

ТЕМА НОМЕРА

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ПЛАНИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.4

EDN: RGHQBQK

Ценностные ориентации студенческой молодежи Ростовской области и новых регионов¹

Ссылка для цитирования: Чикарова Г. И., Пантелеев В. Г., Киселев Д. А. Ценностные ориентации студенческой молодежи Ростовской области и новых регионов // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 3. С. 62–81. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.4; EDN: RGHQBQK.

For citation: Chikarova G. I., Panteleev V. G., Kiselev D. A. Value orientations of student youth in Rostov Oblast and the new regions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 62–81. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.4; EDN: RGHQBQK.

SPIN-код: 3772-5881

Чикарова Галина Игоревна^{1,2}

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Южно-Российский филиал ФНИСЦ РАН, Ростов-на-Дону, Россия

chikarova@sfedu.ru

SPIN-код: 6384-4632

Пантелеев Вадим Геннадьевич¹

¹Южно-Российский филиал ФНИСЦ РАН,
Ростов-на-Дону, Россия

pwg92@mail.ru

SPIN-код: 8863-5504

Киселев Данил Александрович¹

¹Южно-Российский филиал ФНИСЦ РАН,
Ростов-на-Дону, Россия

danil.kiselev.2015@list.ru

¹ Статья подготовлена при выполнении научных исследований по теме 1025030300104-9-5.4.1 «Аксиологические установки российской молодежи: смыслы, поведенческие практики и потенциал консолидации поликультурного российского общества» (FMUS-2025-0026) в рамках выполнения Государственного задания 075-00430-25-01 от 06.08.2025.

Авторы выражают глубокую признательность руководителю проекта к. социол. н. А. С. Магранову за общее руководство и критический анализ рукописи.

Аннотация. Статья посвящена проблеме ценностных ориентаций студентов Ростовской области и новых регионов. Эмпирическую базу составили данные социологического исследования, которое проводилось в рамках проекта «Аксиологические установки российской молодежи: смыслы, поведенческие практики и потенциал консолидации поликультурного российского общества», реализуемого коллективом ЮРФ ФНИСЦ РАН при участии авторов. Сбор информации велся методом фокус-групп. Объектом исследования выступили представители младшей (от 18 до 24 лет) и старшей (от 25 до 29 лет) возрастных когорт молодежи. В основу настоящей статьи легли материалы фокус-групп со студентами высших учебных заведений Ростовской области, а также Донецкой и Луганской Народных Республик.

Авторы проанализировали жизненные цели студентов, приоритетные в перспективе ближайших лет. Это позволило: 1) выделить основные критерии жизненного успеха, как они видятся молодым людям; 2) определить факторы, влияющие на формирование у молодежи представлений об успешной жизни; 3) сопоставить представления молодежи с мнением старшего поколения. В результате было установлено, что ценностные ориентации информантов из числа студентов включает в себя своеобразную «триаду»: любимая работа, материальный достаток, создание семьи. Также оказалось достаточно заметно выражено стремление молодых людей продолжить обучение по окончании университета либо в магистратуре, либо в аспирантуре в купе с намерением отложить создания собственной семьи до момента достижения профессиональной самореализации. Статья представляет интерес как для специалистов, занимающихся вопросами разработки и реализации мер государственной молодежной политики, так и для сотрудников вузов, отвечающих за воспитательную работу с обучающимися, а ее значимость определяется содержащимися в ней данными по Донецкой и Луганской Народным Республикам – регионам, которые социологи не балуют вниманием.

Ключевые слова: студенческая молодежь, ценностные ориентации, жизненные цели, жизненный успех, консолидация, новые регионы

Введение

На протяжении нескольких последних лет Россия пребывает в состоянии социальной турбулентности, нестабильности и постоянных трансформаций во всех основных сферах общественной жизни. Не стала исключением и система ценностных установок и ориентаций, составляющих аксиологический базис российского социума. Понятие «ценность» включает в себя «объекты и явления, значимые в жизнедеятельности общества, социальных групп и отдельных индивидов, а также используется для обозначения самой этой значимости» [15]. Соответственно, под ценностными ориентациями мы вслед за М. К. Горшковым и Ф. Э. Шереги будем понимать «результат процесса социализации молодежи, в ходе которого происходит интериоризация норм общества в ценности личности» [2, с. 175]. Согласно представленной трактовке ценности составляют устойчивую мотивационную основу поведения человека, но для того, чтобы процесс трансформации регулятивных норм общества в мотивационные ценности был эффективным, личность должна быть включена в референтные группы – семейные, образовательные, производственные, неформальные, гражданские и др. [2].

Безусловно, происходящие сегодня изменения оказывают значительное влияние на молодежь, являющуюся той демографической группой, которая более других восприимчива к любым нововведениям в обществе. Как справедливо отмечает И. С. Палитай, в настоящий момент наблюдается смысловая «пересборка» мировоззрения молодых людей, в условиях которой даже привычные ценности начинают наделяться новым смыслом. Иными словами, идет актуализация давно устоявшихся аксиологических доминант в комбинации с современными идеями и толкованиями [8, с. 163]. Однако в подобной ситуации существует риск развития у представителей молодого поколения деструктивных, с позиции государства, ценностных ориентаций. Во избежание подобного российскими властями были предприняты соответствующие меры в виде утвержденных в 2022 г. «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где на законодательном уровне закреплялось определение традиционных российских ценностей как «нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство и нашедших свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»¹. В этом же нормативном акте содержится и перечень ценностей, официально признанных традиционными для России: жизнь, патриотизм, гражданственность, крепкая семья, коллективизм, историческая память и др.

Для того чтобы эффективно реализовывать государственную политику по прививанию традиционных ценностей молодым россиянам, необходимо понимать, какие ценностные установки и ориентиры преобладают в их сознании. По справедливому замечанию Ю. А. Зубок, «выстраивая жизненные стратегии, молодежь – как относительно самостоятельная группа, находящаяся в активной фазе самоопределения, – следует собственным представлениям об успешной и счастливой жизни, выбирая, наделяя смыслами и значениями цели и пути их достижения. Реализуя свои жизненные цели, молодые люди руководствуются личными стремлениями и амбициями. Но одновременно с этим как неотъемлемая часть общества, связанная с ним множеством отношений, молодежь находится под влиянием всех процессов и явлений, происходящих в нем как во внешней для себя среде. <...> Понять характер жизненных стратегий отдельных групп молодежи возможно лишь в соотношении их друг с другом и с условиями, в которых разворачивается жизнедеятельность современного молодого поколения» [4, с. 6].

Собственно ценности, как и различные аспекты формирования ценностных установок молодежи, становились предметом изучения многих российских ученых. Например, Н. С. Толкунов, проанализировав влияние

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

ценностных ориентаций молодого поколения на трансформацию российского общества, пришел к выводу, что молодые россияне в своем большинстве считают приоритетными витальные ценности, такие как семья и здоровье, а материальные, равно как и любовь или свобода слова, занимают для них вторые, третьи и последующие места. Одновременно с этим был зафиксирован негативный тренд на низкий запрос на социальную справедливость и гражданскую активность. По мнению Н. С. Толкунова, в основе государственной молодежной политики должно лежать понимание того факта, что молодежь будет готова реализовать свой творческий и интеллектуальный потенциал только при условии наличия у нее чувства удовлетворения своих базовых потребностей [13].

А. Л. Маршак и Л. В. Рожкова, исследуя ценностные компоненты политического и гражданского потенциала современной молодежи (политические и правовые ценности, отношение к политике и политическому участию, уровень гражданственности в молодежной среде), выявили ряд закономерностей. В частности, они установили, что важность закона для молодежи зависит от ее материального положения, а значимость политических ценностей повышается с увеличением возраста [6].

Ю. А. Зубок с коллегами, используя метод структурно-таксономического моделирования, проанализировала жизненные позиции молодежи, особенности их формирования, а также связь с мировоззренческими ориентирами и элементами социокультурного механизма саморегуляции (традиционной культурой, молодежной субкультурой, архетипами коллективного бессознательного, ментальными и современными чертами национального характера, установками, стереотипами и ценностями). Это позволило установить, что активность жизненной позиции молодежи определяется мировоззренческими установками на коллективизм и доверие, а пассивность – установками на индивидуализм и недоверие окружающим. Кроме того, было замечено, что жизненная позиция разных групп молодежи имеет свои особенности, определяемые, в том числе, социальным положением, местом и возможностями в сети социальных отношений [5].

Изучение ценностей молодого поколения является одним из значимых исследовательских направлений и у зарубежных авторов. Так, Ч. Силке, Б. Брэди, П. Долан и С. Бойлан, основываясь на результатах социологического исследования, проведенного среди ирландских школьников с целью изучения особенностей формирования у молодежи гражданских ценностей и моделей поведения, доказали наличие связи между социальным контекстом и различными формами гражданского участия [19]. Чэнь Лицзюнь, Ян Дали Л., Чжоу Ди и Жэнь Цян подробно изучили политические и социальные ценности китайской молодежи, такие как отношение к власти и гендеру, восприятие социального неравенства, интерес к политической сфере [17]. А. Лескова и М. Ёчанна, руководствуясь тезисом о том, что ценности являются фундаментальной основой развития любого общества, предприняли масштабное исследование актуальных проблем ценностно-ориентированного воспитания молодежи [18].

Студенчеству как наиболее активной и креативной когорте молодежи, представляющей собой профессиональный резерв для будущего развития общества, в отечественной социологии уделяется достаточно внимания. Н. В. Розенберг с коллегами, справедливо называя учащуюся молодежь «индикатором социальных изменений», попытался нарисовать социальный портрет сегодняшних студентов, а также выделить основные тенденции и изменения в их системе ценностей, произошедшие за последние годы. Согласно полученному результату учащиеся вузов сегодня стараются приспособиться ко всем изменениям, которые происходят в социальной и ценностной структурах общества, демонстрируя при этом эклектику ценностей. В их социальном портрете сочетаются прагматизм и индивидуализм, с одной стороны, и духовные стремления в купе с социальной ответственностью, с другой. Данные эмпирического исследования позволили зафиксировать трансформацию ценностных установок студенческой молодежи: при сохранении важности материальной составляющей постепенно растет ценность духовности и социально значимой деятельности [10].

Л. А. Часовская с соавторами, изучая степень сформированности традиционных духовно-нравственных ценностей у молодых людей за время обучения в вузе, пришла к выводу, что современному студенчеству свойственно независимое критическое мышление, индивидуальность и нежелание жертвовать личными интересами, а основными трендами в формировании их ценностных установок являются толерантность, самовыражение и ответственность за собственные поступки [16].

Н. Ю. Складорова и Е. В. Бродовская, основываясь на данных масштабного социологического исследования, охватившего все федеральные округа РФ, проанализировали состояние ценностной системы, патриотических установок, национально-государственной и гражданской идентичности современного студенчества. Как выяснилось, проведение специальной военной операции (СВО) оказало влияние на систему ценностей молодежи. Например, ценность поездок за рубеж переместилась из ядра в структурный резерв, уступив свою позицию ценности интересной работы. Кроме того, авторы заметили, что в плане патриотических и гражданских установок наибольшие отличия от средних показателей наблюдаются у выпускников вузов, так как они уже не находятся под социализирующим воздействием университета [12].

Не менее важным направлением в изучении ценностных ориентаций молодежи является выявление ее жизненных целей и представлений о жизненном успехе. М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги на основе результатов многолетних исследований, проводимых Институтом социологии ФНИСЦ РАН, определили, что для российской молодежи «жизненный успех» сопряжен в первую очередь с интравертными ценностями: крепкой семьей, уважением окружающих, богатством и интересной работой. При этом иерархия ценностей у молодого и старшего поколений выглядит схоже, отличаясь лишь значимостью честно прожитой жизни: у молодых людей она заметно ниже в рейтинге. Авторы выделили восемь типов молодых людей в зависимости от их жизненных притязаний: «семейные», основ-

ная ценность которых семья, «труженики», нацеленные на построение карьеры, «предприимчивые», стремящиеся к созданию собственного дела и материального достатку, «гедонисты», желающие иметь много свободного времени для развлечений, «максималисты», старающиеся добиться успеха во всех сферах, «карьеристы», жаждущие самореализации ради достижения влияния и власти, «отчаявшиеся», сомневающиеся в своей способности достичь успеха, и «тщеславные», мечтающие стать знаменитыми. В дополнение к восьми перечисленным типам молодежи были также выделены три группы ценностей: биосоциальная жизненная среда (межличностные отношения), материальная жизненная среда (экономические отношения), институциональная жизненная среда (идейно-политические отношения). Примечательно, что свобода как ценность оказалась стоящей особняком, не коррелировала с прочими категориями и потому не попала ни в одну из групп [2, с. 178–186].

А. В. Зинич, проанализировав особенности планирования жизни, формирования целевых приоритетов и представления о ключевых факторах успеха, свойственные современной молодежи, показала, что она довольно серьезно относится к своему будущему, старается выстраивать планы, но при этом избегает долгосрочных целей [3].

Е. В. Реутов с коллегами, изучив ценностные ориентации молодежи в контексте жизненных целей, способов и условий их реализации, установили, что среди факторов жизненного успеха, определяемых как инструментальные ценности, у представителей молодого поколения доминируют социальный конформизм, профессионализм, наличие хороших друзей и поддержка семьи. Ценности же, связанные с социальной ответственностью, напротив, обладают средней значимостью в иерархии критериев достижения жизненного успеха [9].

Ряд исследователей обратил внимание на проблему территориальной обусловленности формирующихся жизненных планов и стратегий. Так, С. С. Халикова, рассмотрев особенности выстраивания жизненных планов дальневосточной молодежью, пришла к выводу, что достижение жизненного успеха и семейную самореализацию она связывает, в том числе, с зарубежными странами. Свои эмиграционные намерения молодые люди объясняют недостаточностью возможностей для реализации жизненных планов на территории региона их проживания [14]. Н. Н. Седова, проведя сравнительный анализ жизненных стратегий столичной и провинциальной молодежи, выяснила, что молодые жители столиц (Москва и Санкт-Петербург) более критично относятся к внешнему контексту своей жизнедеятельности, а также смотрят на обстоятельства собственной жизни через призму возможностей для развития, тогда как молодые люди из провинции более зависимы от внешних обстоятельств и ориентированы на цели, связанные с «малым социумом» [11].

Молодежь, будучи основной движущей силой инноваций и социальных изменений, играет особую роль в общественном развитии. Перенимая от старших опыт и традиции и тем самым сохраняя культурное наследие,

молодое поколение в то же время привносит в жизнь общества свои идеи и ценности и, как следствие, трансформирует социальные институты, адаптируя их к новым условиям [10]. Однако отмечаемое многими исследователями тяготение молодых людей в направлении индивидуальных, а не общественных и коллективных интересов официальный дискурс сегодня склонен толковать как фактор потенциального ослабления социальной солидарности в будущем [1]. В этой связи становятся очевидными два принципиальных противоречия. Во-первых, противоречие между традиционными российскими ценностями, заявленными в «Основах государственной политики...»¹ и активно продвигаемыми государством, с одной стороны, и реальными ценностными установками молодежи, с другой. А во-вторых, противоречие между условиями первичной социализации, необходимыми, по мнению властей, для усвоения традиционных российских ценностей, и теми социальными условиями, в которых протекало детство сегодняшних молодых людей и которые официальный дискурс ныне трактует как индивидуализированное общество и «общество потребления».

В контексте нашего исследования важное значение имеет место проживания информанта в период его первичной социализации, что обусловлено различиями в социокультурных условиях Ростовской области и новых регионов РФ (ДНР и ЛНР). Перед учеными встает непростая задача найти теоретически и эмпирически обоснованное разрешение указанных контроверз, а для этого необходима опора не только на жестко формализованные методы сбора данных, но и на слабо формализованные, к коим относится метод фокус-групп.

Эмпирическая база исследования

В июле – октябре 2025 г. коллектив ЮРФ ФНИСЦ РАН в рамках проекта «Аксиологические установки российской молодежи: смыслы, поведенческие практики и потенциал консолидации поликультурного российского общества» провел 6 фокус-групп с представителями молодежи Ростовской области и новых регионов РФ (ДНР и ЛНР). Всего в исследовании приняло участие 48 чел. (по 8 в каждой фокус-группе) из двух возрастных когорт: 18–24 года и 25–29 лет. Первые являлись студентами вузов, а вторые имели статус работников без совмещения с образовательной деятельностью. В каждом регионе было проведено по одной фокус-группе с представителями каждой возрастной категории. Выбор возрастных когорт и территорий обусловливался необходимостью включить в исследование молодых людей, первичная социализация которых проходила как до 2014 г., так и после, и одновременно с этим в разных социально-политических контекстах.

¹ Там же.

Отбор информантов осуществлялся случайным образом среди студенческой и работающей молодежи, являющейся наиболее активной частью данной демографической группы. Ростовская область, ДНР и ЛНР были избраны для исследования, поскольку находятся в центре событий СВО, непосредственно влияющей на аксиологические установки молодежи.

Вошедшие в гайд вопросы касались глубинных оснований формирования ценностных и поведенческих установок у представителей молодого поколения, социализировавшихся в разных социокультурных условиях и имеющих разный уровень сформированности общероссийской гражданской идентичности.

В настоящей статье приводятся результаты трех фокус-групп, проведенных с представителями младшей возрастной когорты (18–24 лет). Все принявшие участие в исследовании информанты на тот момент являлись студентами очной формы обучения; женщин среди них было 16 чел., мужчин – 8¹.

Жизненные цели студенческой молодежи и планы на будущее

Отвечая на вопрос «Каковы ваши планы и цели, которые вы хотели бы достичь в ближайшие несколько лет?», информанты из числа студентов обозначили ряд жизненных приоритетов, обусловленных текущим этапом их жизненного пути. Согласно имеющемуся в литературе определению, студенческая молодежь является «специфической, социально-профессиональной группой людей молодого поколения, объединенной выполнением специальных учебных и социально-подготовленных функций, готовящейся к выполнению в обществе социальных функций, характеризующаяся общностью быта, ценностных ориентаций и образа жизни» [7, с. 74]. В полном соответствии с приведенной дефиницией наши информанты в первую очередь заявили о своем желании получить высшее образование, а затем, возможно, продолжить обучение в магистратуре или аспирантуре. Такие планы озвучило большинство участников фокус-групп что из Ростовской области, что из новых регионов: *«Хотелось бы продолжить обучаться и пойти в аспирантуру»*; *«Хочу получить диплом магистратуры»*; *«В ближайших планах, во-первых, закончить бакалавриат – в одном университете, и во втором, – а потом пойти на магистратуру»*; *«Хочу получить образование в ближайшие годы как минимум уровня бакалавриата, возможно, поступить в магистратуру, если будет желание и predisposition к этому»*.

Несколько информантов из Ростовской области выразили сомнение в том, что продолжат обучение после окончания бакалавриата, связывая это со слишком далекой перспективой: *«Я пока что учусь на первом курсе*

¹ Изначально формирование выборки проводилось на основании большей представленности женщин среди студенческой молодежи. Однако сложности, возникшие в процессе отбора участников фокус-групп, усилили данную диспропорцию. Тем не менее, итоговые данные вполне позволяют получить представление о разнице мнений юношей и девушек.

бакалавриата, поэтому не могу сказать, буду ли поступать в магистратуру или нет, на какое направление»; «Я учусь на данный момент на третьем курсе бакалавриата, пока до конца не уверена, хочу ли поступать в магистратуру, и если да, то на какое направление». Стоит отметить, что в отличие от ростовских сверстников, студенты из ДНР и ЛНР продемонстрировали в целом большую уверенность и мотивацию учиться дальше.

Университетская среда неизбежно оказывает влияние на карьерные ориентации студенческой молодежи. Многие из наших информантов высказали намерение связать свою профессиональную деятельность с преподаванием и/или наукой: «Хотелось бы связать свою жизнь с ЮФУ, потому что я очень хорошо себя чувствую в преподавательской стезе»; «После получения диплома магистратуры хочу продолжать работать в школе»; «В планах связать себя с наукой»; «Хочу поискать себя в сфере преподавания и педагогики, возможно психологии».

Рассуждая о своем понимании жизненного успеха, информанты из Ростовской области часто называли одной из его составляющих возможность поддерживать членов семьи и значимых других, помогать им: «Если я могу обеспечить, помочь и сделать жизнь своих близких людей лучше, хоть там на какую-то долю <...> если вот это вложение, отдача эмоций, отдача даже финансовых средств, отдача того, что поможет действительно человеку, это действительно, мне кажется, жизнь удалась». Связывание индивидуального успеха с возможностью помогать родным и близким говорит об ориентированности на внешнюю среду. Примечательно, что при такой установке материальный достаток воспринимаются как инструмент, призванный служить благополучию дорогих людей, которое ставится на первое место: «Материальный достаток должен помогать нашим родственникам, их здоровью, своему здоровью или в каких-то еще делах помогать». Данное высказывание выражает одну из основных жизненных ориентаций ростовской студенческой молодежи: **благополучие значимых других как мера жизненного успеха.**

Касательно соотношения в их жизни работы и дома и характера труда на рабочем месте молодые люди из Ростовской области придерживаются мнения, что работа не должна отнимать все время, даже если речь идет о любимом деле: «Человек ходит и выполняет любимую, интересную ему работу. ...если человек в равной степени трудится и в такой же равной степени в соотношении отдыхает». Информанты подчеркнули, что работа должна приносить удовольствие, но и в этом случае не стоит отдаваться ей полностью, забывая про отдых: «Чтобы не погружался прямо дено и нощно. Чтобы не было вообще отдыха. Работа должна быть удовольствием». Эти замечания позволили нам выделить другую важную ценностную компоненту в установках ростовской молодежи: **соблюдение баланса между работой и домом/отдыхом.**

Не менее важным для студентов Ростовской области оказалось стремление заслужить признание как члена общества, вносящего в его благополучие персональный вклад: «Складывается из многих факторов, но, наверное, самый главный из них, опять же, лично для меня, это ува-

жение и признание в обществе. ...что человек меня уважает и признает как какого-то конкретного члена общества за какой-то мой труд, вклад, то тогда я могу сказать, что моя жизнь действительно удалась». При этом желаемое признание видится не сиюминутным, а таким, которое сохранится в людской памяти и будет передано последующим поколениям: *«Есть люди, которые благодарны ему [данному человеку] тем, что он принес какую-то пользу всему обществу. Ну и второе, это он наставил критичное наследство своим потомкам»*. Таким образом, список жизненных ориентаций учащихся вузов Ростовской области пополняется еще одной позицией – **общественное признание**.

Молодежь из новых регионов в качестве своей приоритетной жизненной цели довольно часто называла **самореализацию** через любимое дело или работу, которая должна приносить моральное удовлетворение: *«Человек должен, в первую очередь, заниматься любимым делом, которое должно приносить ему удовольствие»; «Главным показателем является то, что ты нашел себя, реализовал себя, нашел свое любимое дело – дело, которое приносит тебе удовольствие в жизни»; «Это реализация себя, своего потенциала. То есть это больше, наверное, про карьеру»*. Акцент на самореализации в профессии и моральном удовлетворении отличает информантов из ЛНР и ДНР от их ровесников из Ростовской области, которые, говоря про работу и успех, делали упор на достаток, открывающий возможность помогать другим, и соблюдение баланса между трудом и домом.

В тесной связи с профессиональной самореализацией звучали суждения о **материальном достатке**, который должна обеспечивать работа: *«Главное, чтобы был стабильный доход»; «Дело, которое приносит тебе удовольствие в жизни, которое приносит также хороший доход, что немаловажно»*. Обращает на себя внимание то, что студенты из новых регионов упоминают о высоком доходе как о самостоятельной цели без привязки к каким-либо иным, достижению которых могло бы служить материальное благополучие. Это отличает их от студентов из Ростовской области.

Значимым также является **создание семьи**, что вместе с самореализацией через любимое дело, приносящее удовольствие, и материальным достатком формирует основополагающую «триаду» жизненных ценностей студенческой молодежи новых регионов: *«Рядом должен быть любимый человек, который должен поддерживать»; «...конечно же, создал [бы] свою семью»*.

Делясь планами на семейную жизнь, большинство информантов выразило желание вступить в брак, но лишь в будущем, после успешной профессиональной самореализации: *«Сейчас нет тяги завести семью и отдать себя воспитанию детей, но на будущее такая цель есть, и она будет реализована»; «Женитьба это в далеком будущем. Пока что я вообще об этом не задумываюсь»; «На личную жизнь планов я никаких еще не строила, потому что считаю, что это может как-то помешать в построении карьеры»; «Хочу максимально реализовать свой потенциал, а также создать семью в будущем»*.

Мнения относительно потенциального переезда в другой регион разделились. Часть молодых людей, преимущественно из Ростовской области, намерена остаться в месте нынешнего пребывания, объясняя свой выбор трудоустройством или особой эмоциональной связью с региональной столицей: *«Хотелось бы связать свою жизнь с ЮФУ и остаться в Ростове-на-Дону. Так получилось, что город „притянул к себе“»; «Продолжать жить я собираюсь в этом городе»*. Однако большинство информантов как из Ростовской области, так и из новых регионов ориентировано на переезд с целью продолжения образования, устройства семейной жизни или получения карьерных перспектив: *«Когда выйду замуж, скорее всего, уеду из этого города в более маленький»»; «Я бы хотела уехать из Ростова, желательно в Москву, потому что вижу в целом свое будущее там»»; «В планах где-то лет через пять, наверное, уехать в Москву, там больше перспектив в творческом плане»»; «Возможно, также пойду в магистратуру, но не уверена, что это будет именно в Ростове-на-Дону, скорее всего, выберу какой-нибудь другой город»»; «В планах получить высшее образование, потом, наверное, когда-нибудь переехать»*.

Для полноты картины стоит также упомянуть тех, кто в качестве ценности назвал **получение разнообразного жизненного опыта и обретение счастья**: *«...важно, наверное, много всего уметь, много где быть, то же самое путешествовать. Это не только расширяет кругозор, ну просто как эстетическое удовольствие приносит»»; «...человек думает, что жизнь дала этот момент, когда он познает свое счастье. То есть вообще это неважно что, просто он в этот момент счастливый»*. Подобные мечты молодых людей из ДНР, скорее всего, объясняются непростыми условиями жизни в республике.

Представления о жизненном успехе у молодежи и старшего поколения

Одним из компонентов аксиологических установок, влияющим на консолидацию российского общества, является жизненный успех. Он представляет собой, с одной стороны, внутреннее ощущение победы, получения значимых результатов, а с другой – внешнее признание достижений социумом. Такое интегративное понимание жизненного успеха учитывает значимость не только личностных качеств и достижений, но и их соответствие социальному контексту. Совпадение собственного ощущения успеха и чувства, что жизнь удалась, с требованиями и ожиданиями общества может стать залогом большего единения как индивидов внутри отдельных социальных групп, так и социальных групп между собой и всего общества в целом.

По данным опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2023 г., успешный человек в представлении российской молодежи возрастной группы от 18 до 24 лет – это тот,

кто добился поставленной цели/успехов/идет к цели (22%); имеет образование/грамотный (9%); материально обеспечен / имеет хороший заработок (8%)¹.

У наших информантов из всех трех регионов представления о жизненном успехе во многом совпали с мнением молодых участников опроса ВЦИОМ: это устойчивый материальный доход, любимое дело и общественное признание. При этом деньги для наших информантов не самоцель, а лишь средство, обеспечивающее доступ либо к дорогостоящим товарам и услугам: *«Смотря на красивую картинку в интернете, конечно, хочется все равно так же иметь»*; либо к иным значимым «вещам», например здоровью, собственному и близких: *«Жизнь удалась, когда ты можешь себе оплатить полный чекап по здоровью»*; *«...материальный достаток должен помогать нашим родственникам, их здоровью, своему здоровью или в каких-то еще делах помогать»*. Показательно, что в нарративах молодежи из ДНР неимущественные блага при разговоре о деньгах не упоминались, использовались лишь коды «деньги», «доход».

Большинство информантов из всех трех регионов отмечали, что для них важно заниматься любимым делом: поскольку *«работа во взрослой жизни занимает достаточно большое количество времени, сил и ресурса внутреннего, [поэтому] очень важно, чтобы это было любимое дело»*. Рассуждая о будущей трудовой деятельности, они вспоминали и цитаты мыслителей: *«Если у тебя будет любимая работа, то ты не дня не будешь работать»*; и высказывания родителей, ставшие жизненным девизом: *«Найди то, что зажжет в тебе искру, и тогда оно заставит тебя и страдать, но одновременно и осчастливит тебя»*. Звучали также аргументы, что работа, которая искренне нравится, дает человеку возможность *«в равной степени трудиться и в такой же равной степени в соотношении отдыхать»*.

В своих суждениях студенты из ДНР делали акцент на наличие рядом семьи и/или близкого/любимого человека: *«Я бы не забывала про семью, потому что для полноценной картины мира не хватает все-таки частички чего-то более теплого, не такого отстраненного, не ожесточенного, не связанного с карьерой, каким-то соперничеством, возможно»*. Для них семья оказалась таким же неотъемлемым показателем жизненного успеха, как и достаток: *«Семья и деньги, а что еще нужно?»*.

Информанты из Ростовской области, напротив, не были склонны объединять материальное благополучие и семью в общий параметр жизненного успеха. Более того, один из участников ростовской фокус-группы отметил, что выбор в пользу либо семьи, либо достатка указывает на принципиальные различия в убеждениях: *«С родственниками у меня прям очень сильное расхождение во взглядах на жизнь. Оно особенно проявляется, я думаю, как раз в построении семьи, потому что многие из них считают, что самая главная жизненная цель – это именно построение семьи»*.

¹ Русская формула успеха // ВЦИОМ. 2023. 16 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkaja-formula-uspekha> (дата обращения: 02.10.2025).

Трактовка фразы «жизнь удалась» именно как наличие семьи, по признанию информантов, перенята ими отчасти от родителей: *«Родители достаточно сильно повлияли на мое такое восприятие»; «... под влиянием семьи, в особенности моего отца, потому что мне кажется, что это целиком и полностью его мнение, но которое я разделяю»; а отчасти сформирована под влиянием книг: «Дети – это зеркало семьи, я считаю, поэтому очень много мы берем от своих родителей, но для меня также немаловажны книги. Я с детства читаю много, поэтому... они расширяют наш кругозор, и из них мы тоже черпаем очень много ценностей»; «...это из литературы больше. Я сейчас нахожусь, наверное, под впечатлением именно последних прочитанных книг».*

Еще один источник формирования своих представлений об успешности назвали информанты из новых регионов: это сетевое информационное пространство, через которое транслируются паттерны поведения успешного человека: *«Но [что] в целом немаловажно еще для меня, это социальные сети. Я не знаю, это просто факт. Мы смотрим, вникаем, проникаемся и дальше уже хотим как-то привлечь это в свою жизнь»; «Интернет тоже оказывает очень большое влияние и формирует многие желания, многие „хотелки“».*

Молодые люди из Ростовской области тоже упоминали интернет в своих высказываниях, однако единого мнения относительно него так и не прозвучало. Одни полагали, что всемирная сеть унифицирует представления людей, другие утверждали, что есть и иные агенты с большей степенью влияния: *«[Если] до такого широкого распространения глобальной сети Интернет люди очень сильно отличались за счет разного уровня жизни и за счет разных активностей, которые им приходится выполнять, то сейчас, когда люди объединяются в этом неформальном пространстве, они перенимают какие-то точки зрения. И мне кажется, что многие сейчас стали схожи»; «Да, есть то, что нас объединяет всех... это интернет. Он пытается навязать какое-то единое мнение, и, по сути, чем человек больше в нем сидит, тем ему больше навязывается общее мнение. В этом, да, есть единство. Но даже если люди из одного абсолютно города и смотрят абсолютно одинаково в интернете, у них все равно может быть разное».*

Говоря о консолидации как единении большой социальной общности, особенно важно обратить внимание на расхождение во мнениях и установках, которые при неблагоприятных условиях могут стать барьерами на пути объединения субъектов и групп в единое сплоченное целое. Такие расхождения наблюдаются как в самой молодежной среде, так и между представителями разных поколенческих групп. По свидетельствам наших информантов, основные межпоколенческие разногласия между ними и их родителями связаны с выбором профессии. С этим сталкивались молодые люди и из Ростовской области: *«Во времена, когда я хотела поступать в институт, мои родители настаивали, что тебе нужно пойти куда-то в такое... на юриспруденцию куда-нибудь, не знаю, бухгалтерский учет,*

в экономику. И на тот момент я понимала, что это обусловлено тем, что родители хотят в какую-то крупную структуру устойчивую государственную меня запихнуть»; и из новых регионов: «Все равно родители придерживаются более традиционного как бы взгляда то, что, там, это должна быть какая-то стабильная понятная работа, там, в офисе не в офисе или тоже, там, учитель, преподаватель, врач, там, юрист, то есть то, что вот понятно всем и, там, было, есть и будет всегда во все времена. И достаточно скептически относятся к каким-то творческим проявлениям»; «...допустим, какое-то лингвистическое направление или как переводчик. Да, вот это они будут считать престижным. А, допустим, фитнес тренер будет не просто непрестижно, по их мнению, вот так».

Высказывания участников фокус-групп показывают, что и сама молодежная среда неоднородна в плане своих мнений и установок. Различия, по их собственному утверждению, обусловлены, во-первых, местом жительства: «...ребята рождены, там, в селах, может быть, в деревнях, в станицах, они больше... наверное, нацелены на... создание семьи, какого-то такого кусочка общества своего. А... ребята из таких крупных прям городов, там, Питер, не знаю, Казань, тот же Ростов еще тоже относительно, то, наверное, больше следует на путь карьерного роста, развития...»; «Это будет огромный мегаполис, в котором, банально, есть хорошие библиотеки, там, допустим, много всяких интересных мест... в которых люди могут встречаться и каким-то образом общаться, делиться мнениями. Если город маленький, захолустье, никому это не интересно. Все работают в каких-то своих заведениях, магазинах продуктовых, больничках, ищут что-то. Но нет таких способов, чтобы люди каким-то образом развивались»; во-вторых, профессиональной принадлежностью: «По каким-то профессиональным критериям. То есть, если мы сравниваем какого-то представителя определенной профессии, допустим, того же медика... с человеком из науки, то они будут, конечно, разных мнений, несмотря на то что они живут в одном городе или вообще по соседству»; в-третьих, социальным капиталом: «Если они живут в семьях разного материального достатка, в семьях разных ценностей. Просто [если один] человек поступил в один институт, другой человек в другой институт, у них уже разное мировоззрение»; в-четвертых, этнической принадлежностью: «...у нас в России очень много разных народов. И будет разница идти уже минимум от этого. У нас есть какие-то области, в которых живут именно одни народы, в других областях другие народы. И у каждого народа свой менталитет, своя культура, и это будет влиять на различия»; в-пятых, принадлежностью конфессиональной: «И, безусловно, на это влияет... религиозная принадлежность».

В то же время, по признанию самих молодых людей, расхождения во взглядах не воспринимаются ими как преграда для коммуникации: «Но мне кажется, что у меня с многими из них очень сильно расходятся вот именно и ценности, и взгляды на будущее, потому что, мне кажется,

это максимально индивидуально и зависит вот как раз от жизненного опыта. И даже при общении я, опять же, не задавала им такие вопросы, мы на такие темы, возможно, и не общаемся. Но даже при общении можно понять, что человек для себя ставит во главу своей жизни, а на что как-то забывает. И у меня со многими сильные разногласия, но это не мешает мне с ними дружить. Мне кажется, что каждый имеет право на свое мнение, и меня в целом тоже за мои устремления никто не осуждает».

Выводы

Исследование показало: студенческая молодежь из всех трех вошедших в него регионов придерживается более или менее схожих ценностных установок и жизненных планов. Их объединяет стремление к продолжению обучения и профессиональному росту в купе с намерением отсрочить момент вступления в брак и создания семьи.

Вместе с тем в системе жизненных ценностей молодых людей из Ростовской области и новых регионов имеется и ряд отличий. Так, например, у ростовской молодежи наблюдается ориентация на значимых других (благополучие близких) и общество (признание вклада), тогда для молодежи из новых регионов значимее оказываются персональный успех и личная реализация. Данное расхождение можно обозначить как ориентация на других *vs.* ориентация на себя. Другое заметное расхождение касается места, отводимого материальному достатку в системе ценностей. Информанты из Ростовской области наделяют его инструментальным смыслом и видят в нем средство, позволяющее реализовывать отмеченную выше ориентацию на значимых других (заботиться о родных и близких). Для информантов из ДНР материальный достаток является самостоятельной целью и условием личного благополучия. Указанную разницу в жизненных предпочтениях мы склонны объяснять отличиями в условиях жизни на вошедших в исследование территориях.

Большинство информантов из всех трех регионов критериями достижение жизненного успеха считают: 1) устойчивый материальный доход, 2) любимое дело и 3) общественное признание. Примечательно, что, по свидетельству самих молодых людей, эти критерии они во многом переняли у родителей или почерпнули из литературы. Однако и тут не обошлось без некоторых разногласий, правда уже со старшим поколением. Соглашаясь с молодежью в том, что для успешной жизни необходимо построение карьеры, представители поколения родителей иначе оценивают предпочтительность тех или иных профессий.

При сопоставлении ценностных ориентаций и жизненных планов студенческой молодежи с активно продвигаемыми официальной властью традиционными российскими ценностями становятся заметны некоторые противоречия. Так, признавая семью одной из главных ценностей и критерием успешности, молодые люди тем не менее в качестве своих ближайших

жизненных целей называют построение карьеры и достижение определенного уровня финансового благополучия, которые в рамках официального дискурса подводятся под рубрику материального и противопоставляются духовному, должному иметь, согласно «Основам государственной политики...»¹, приоритет над материальным.

Ценности семьи и материального благополучия соотносятся в мировоззрении молодых людей весьма интересным образом. Создание собственной семьи не отвергается, но откладывается до момента достижения личностной и профессиональной самореализации. В свою очередь материальный достаток видится информантам не только средством обеспечения личного благополучия, но и благополучия их близких. Другими словами, материальный достаток предстает не как самоцель, а как необходимый инструмент, помогающий достичь иные цели, в том числе духовные. Очевидно, что студенческая молодежь прекрасно осознает сегодняшние реалии, в которых материальный фактор играет важную роль, так как позволяет занять более выгодные или престижные социальные позиции. В сложившейся ситуации от государства и основных институтов социализации требуются действия, направленные на поддержку молодых людей и обеспечение таких условий жизни в стране, при которых им не придется выбирать между личностной и профессиональной самореализацией, с одной стороны, и созданием семьи, с другой.

В силу ограничений, обусловленных методологией исследования и спецификой выборки, полученные в итоге результаты можно рассматривать исключительно в качестве предварительных, нуждающихся в дополнении и уточнении. И в то же время представленные в настоящей статье выводы являются значимыми с точки зрения проработки проблемы и выхода на рабочие гипотезы для будущих исследований.

Библиографический список

1. Гайфуллин А. Ю. Социологический анализ ценностных ориентиров современной студенческой молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2023. № 3(15). С. 221–232. DOI: 10.47309/2713-2358-2023-3-221-232; EDN: GQNMID.
2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020; EDN: BNSNDA.
3. Зинич А. В. Профессиональные и жизненные цели современной молодежи // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2023. Т. 9. № 4. С. 146–152. DOI: 10.18413/2408-9346-2023-9-4-1-2; EDN: NXQPSL.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 03.10.2025).

4. Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3(157). С. 4–12. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688; EDN: KFHOUI.
5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. и др. Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 3. С. 79–98. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738; EDN: YXTHRJ.
6. Маршак А. Л., Рожкова Л. В. Политический и гражданский потенциал молодежи Поволжья и Крыма в современных условиях // Власть. 2020. Т. 28. № 3. С. 98–109. DOI: 10.31171/vlast.v28i3.7319; EDN: ZLMYJO.
7. Михайловская С. А. Концептуализация понятий «Студенческая молодежь» и «Вторичная занятость» в контексте социологии управления // Вестник ЗабГУ, 2014. № 3(106). С. 68–74. EDN: SCSIIF.
8. Палитай И. С. Мировоззренческие установки современной российской молодежи // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2025. № 18. С. 159–165. EDN: VXNEAG.
9. Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Жизненные цели молодежи и способы их достижения (по результатам опроса в юго-западном и южных регионах России) // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 97–107. DOI: 10.31857/S013216250023772-2; EDN: KQDNSZ.
10. Розенберг Н. В., Афанасьева Ю. Л., Рудакова И. А. Социальный портрет современной студенческой молодежи: ценностные аспекты (по материалам социологических исследований) // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1(73). С. 24–41. DOI: 10.21685/2072-3016-2025-1-3; EDN: WMEAWL.
11. Седова Н. Н. Жизненные стратегии молодежи столиц и провинций // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 6. С. 217–231. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-6-217-231; EDN: FCKSNU.
12. Склярова Н. Ю., Бродовская Е. В. Ценности, установки и идентичность молодежи, получающей педагогическое образование в России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 105–131. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-105-131; EDN: KFXWOL.
13. Толкунов Н. С. Влияние ценностных ориентаций молодежи на трансформацию российского общества // Свободная мысль. 2024. № 4(1706). С. 89–94. EDN: DSIHMH.
14. Халикова С. С. Жизненные стратегии дальневосточной молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1(98). С. 117–124. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-98-1-117-124; EDN: TVKOPG.
15. Ценность // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4674699> (дата обращения: 03.10.2025).

16. Часовская Л. А., Ефремов А. А. и др. Традиционные духовно-нравственные ценности студенческой молодежи // Коммуникология. 2025. Т. 13. № 2. С. 144–156. DOI: 10.21453/2311-3065-2025-13-2-144-156; EDN: RTSKFO.

17. Chen L., Ren Q. et al. Youth values and attitudes // Child and Youth Well-being in China. London, Routledge. 2018. P. 77–89. DOI:10.4324/9780367086145-8.

18. Leskova A., Yochanna M. Values and Education for Values of Today's Youth // Journal of Education Culture and Society. 2024. Vol. 15(2). P. 35–42. DOI: 10.15503/jecs2024.2.19.33.

19. Silke C., Brady B. et al. Social values and civic behaviour among youth in Ireland: The influence of social contexts // Irish Journal of Sociology. 2019. Vol. 28. P. 44–64. DOI: 10.1177/0791603519863295.

Получено редакцией: 09.10.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Чикарова Галина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения; младший научный сотрудник

Пантелеев Вадим Геннадьевич, научный сотрудник

Киселев Данил Александрович, младший научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.4

Value orientations of student youth in Rostov Oblast and the new regions

Galina I. Chikarova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

South Russian Branch of FCTAS RAS, Rostov-on-Don, Russia

chikarova@sfedu.ru

ORCID: 0000-0002-7499-5472

Vadim G. Panteleev

South Russian Branch of FCTAS RAS, Rostov-on-Don, Russia

pwg92@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8909-5744

Danil A. Kiselev

South Russian Branch of FCTAS RAS, Rostov-on-Don, Russia

danil.kiselev.2015@list.ru

ORCID: 0009-0007-0640-9893

For citation: Chikarova G. I., Panteleev V. G., Kiselev D. A. Value orientations of student youth in Rostov Oblast and the new regions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 62–81. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.4; EDN: RGHQBK.

Abstract. The article is devoted to the problem of value orientations of students in the Rostov region and new regions. The study draws on data collected by a team from the South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences as part of the sociological study “Value Orientations of Russian Youth: Meanings, Behavioral Practices, and the Potential for Consolidating Russia’s Multicultural Society,”

conducted with the authors' participation. The study used a qualitative approach based on focus groups. The study population included young people in two age groups: younger (18–24) and older (25–29). This article draws on the findings of focus groups with students at higher education institutions in Rostov Oblast and the Donetsk and Lugansk People's Republics.

The authors analyze several key aspects of contemporary university students' value orientations. They examine the life goals that students prioritize over the next few years and identify the main criteria by which they judge success in life. They also identify the principal factors shaping young people's conceptions of a successful life and examine how these conceptions compare with those of the older generation. The findings show that participants' value orientations comprises a distinctive "triad": work they enjoy, material well-being, and family formation. Young people also express a marked desire to continue their education after graduation, at either the master's or doctoral level. The study also identified a tendency among participants to postpone family formation until they achieve professional fulfillment. The article is relevant both to specialists involved in developing and implementing state youth policy and to university staff responsible for student development. Its significance also lies in its examination of data from the Donetsk and Lugansk People's Republics—regions that have received limited attention from sociologists.

Keywords: university students, value orientations, life goals, success in life, consolidation, new regions

References

1. Gayfullin A. Yu. Sociological analysis of the value orientations of modern students. *Ufimskij gumanitarnyj nauchnyj forum*, 2023: 3(15): 221–232 (in Russ.). DOI: 10.47309/2713-2358-2023-3-221-232; EDN: GQHMD.
2. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. The Youth of Russia under the Lens of Sociology: Results of Years of Research. Moscow, FCTAS RAS, 2020: 688 (in Russ.). DOI:10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020; EDN: BNSNDA.
3. Zinich A. V. Professional and life goals of modern youth. *Nauchnyj rezultat. Tehnologii biznesa i servisa*, 2023: 9: 4: 146–152 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9346-2023-9-4-1-2; EDN: NXQPSL.
4. Zubok Yu. A. Youth: Life Strategies in a New Reality. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2020: 3(157): 4–12 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688; EDN: KFHOUI.
5. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. et al. Life positions in self-regulation of life activity of the youth. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 3: 79–98 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738; EDN: YXTHRJ.
6. Marshak A. L., Rozhkova L. V. Political and civil potential of youth of the Volga region and the Crimean republic in the modern situation. *Vlast'*, 2020: 28: 3: 98–109 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v28i3.7319; EDN: ZLMYJO.
7. Mihajlovskaya S. A. Conceptualization of the concepts of "Student youth" and "Secondary employment". *Vestnik ZabGU*, 2014: 3(106): 68–74 (in Russ.). EDN: SCSHIF.
8. Palitay I. S. Ideological attitudes of modern Russian youth. *Rossiiskij politicheskij process v regionalnom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika*, 2025: 18: 159–165 (in Russ.). EDN: VXNEAG.
9. Reutov E. V., Reutova M. N., Shavyrina I. V. Life goals of youth and ways to achieve them (a survey in the South-Western and Southern regions of Russia). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 5: 97–107 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250023772-2; EDN: KQDNSZ.
10. Rozenberg N. V., Afanasyeva Yu. L., Rudakova I. A. A social image of modern student youth: value aspects (by the materials of sociological research results). *Izvestiya vuzov. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*, 2025: 1(73): 24–41 (in Russ.). DOI: 10.21685/2072-3016-2025-1-3; EDN: WMEAWL.
11. Sedova N. N. Life Strategies of Youth in Capitals and Provinces. *Socialno-politicheskie nauki*, 2024: 14(6): 217–231 (in Russ.). DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-6-217-231; EDN: FCKSNU.
12. Sklyarova N. Yu., Brodovskaya E. V. Values, attitudes, and identity of young people receiving pedagogical education in Russia. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*, 2023: 1: 105–131 (in Russ.). DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-105-131; EDN: KFXWOL.
13. Tolkunov N. S. The influence of youth value orientations on the transformation of Russian society. *Svobodnaja mysl'*, 2024: 4(1706): 89–94. (in Russ.). EDN: DSIHMH.

14. Khalikova S. S. Life strategies of the far-eastern youth. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 2022: 1(98): 117–124 (in Russ.). DOI: 10.22394/1818-4049-2022-98-1-117-124; EDN: TVKOPG.
15. Value. The Great Russian Encyclopedia. Accessed: 03.10.2025. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4674699> (in Russ.).
16. Chasovskaya L. A., Efremov A. A. et al. Traditional spiritual and moral values of student youth. *Kommunikologija*, 2025: 13(2): 144–156 (in Russ.). DOI: 10.21453/2311-3065-2025-13-2-144-156; EDN: RTSKFO.
17. Chen L., Ren Q. et al. Youth values and attitudes. In *Child and Youth Well-being in China*. London, Routledge, 2018: 77–89. DOI: 10.4324/9780367086145-8.
18. Leskova A., Yochanna M. Values and Education for Values of Today's Youth. *Journal of Education Culture and Society*, 2024: 15(2): 35–42. DOI: 10.15503/jecs2024.2.19.33.
19. Silke C., Brady B. et al. Social values and civic behaviour among youth in Ireland: The influence of social contexts. *Irish Journal of Sociology*, 2019: 28: 44–64. DOI: 10.1177/0791603519863295.

The article was submitted on: October 9, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina I. Chikarova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of the Regional Studies at the Institute of Sociology and Regional Studies; Junior Researcher

Vadim G. Panteleev, Research Fellow

Danil A. Kiselev, Junior Researcher